

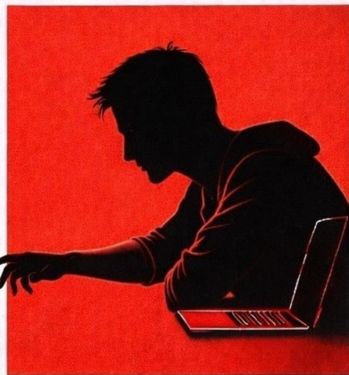
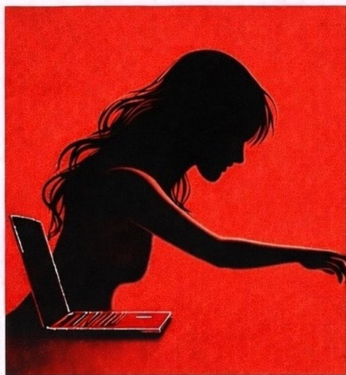
Наталия Гончарова

Leçon de français

Une histoire d'amour inachevée

Natalia Goncharova

Урок французского

TU ES...

Наталия Гончарова

Урок французского. Tu es...

<https://litres.ru/73821654>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть встречи, которые меняют всё.

Есть истории, от которых нельзя уйти.

Иногда всё начитается задолго до поступков - с едва уловимого ощущения, с паузы, с несказанного слова. И именно оно меняет ход жизни.

История русской женщины и молодого француза. Между ними - не столько случившееся, сколько невозможное, оказавшееся сильнее любого выбора.

Не всё, что не произошло остаётся неважным.

Роман о вине, не требующей доказательств.

О границе, исчезающей в тот момент когда её впервые ощущают.

И о последствиях, которые приходят тихо - и остаются, становясь началом истории, у которой ещё нет конца.

Все события, персонажи, имена, названия и обстоятельства в данном произведении являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, событиями или местами случайны и непреднамеренны.

Содержание

Глава I	4
Глава II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Урок французского. Tu es...

Глава I

Иногда история начинается не с события, а с ощущения, что нечто важное уже незримо присутствует, но ты ещё не понял ни его суть, ни последствия.

В тот день в электричке меня не покидало это чувство. Именно с такого тихого и почти неуловимого ощущения порой и начинается целая история, задолго предвещающая события, которые еще только предстоит осознать.

Вагон мягко покачивался в такт стуку колёс. Коржик мирно посапывал у меня на коленях, изредка потягиваясь во сне от какого-то своего особенного собачьего счастья, а я смотрела в окно — на проплывающий мимо тягучий пейзаж. В Петербурге стояла золотая осень, самое редкое, прекрасное и драгоценное для этого города время года, время, когда город становится щедрым на краски, тепло и уют.

Деревья разливались бархатным, медовым светом, земля была устлана опавшими листьями, словно янтарём. Дворцовые парки, щедро окрашенные во все оттенки золота, величественно готовились к холодам, а ветер, словно завидуя всему этому тихому великолепию, то и дело трепал кроны деревьев и поднимая опавшую листву закручивал её в причудливом танце. И только небо, тяжелое и густое, как пред-

чувствие, наливаясь серым плотным свинцом, нависало над всем этим великолепием и неизбежно окутывало проносящиеся мимо дома, станции, машины, бездомных собак и редких прохожих, мелькающих как случайные, но почему-то кажущиеся очень важными деталями чужой жизни.

Я сидела глубоко погруженная в свои мысли, наступало время, когда внешняя суэта уступала место тихим земным планам и легкой ностальгии по ушедшему лету. Завершение дачного сезона особенная пора. Горожане, как стая перелётных птиц возвращались в свои уютные городские квартиры, а дачные посёлки, недавно еще такие шумные и живые, постепенно затухали, укутываясь в терпеливое ожидание долгой зимы. Природа готовилась к сонному замиранию, и каждый год я наблюдала страстный летний роман дачного поселка и его гостей, а затем неизбежный, полный грусти финал расставания. Это была необходимая пауза бытия, полная скрытого смысла и обещания будущего возрождения.

Всё было правильно, понятно, предсказуемо и именно это держало меня в напряжении, потому что внутри уже несколько дней жило странное ощущение: что это — иллюзия, что всё уже сдвинулось, просто я ещё не вижу — как. Я находилась в центре театра абсурда, мое молчание было лишь маской скрывающей угрозу, а привычная реальность ощущалась как декорация — как уродливая трещина в стене отрицания.

Поезд шёл своим неизменным курсом, и в этом почти рав-

нодушном движении было что-то невыносимо спокойное. Пейзажи сменялись, как выцветшие слайды в старом фильмоскопе, а мои мысли, петляя и переплетаясь, цеплялись одна за другую и упрямо возвращались к одной и той же истории.

К той самой.

К той, которую я не собиралась никому рассказывать, к той, где я стала молчаливым участником, свидетелем, а теперь должна была стать судьей.

Глава II

Я ехала на встречу к своей бывшей коллеге, ставшей мне по-настоящему другом. Это слово вдруг стало очень тяжелым, почти невыносимым и впервые мне было страшно.

Дружба требует правды, а правда может потребовать разрушения.

Я знала, что Вера еще слаба. Что её память возвращается медленно, болезненно, словно поднимается со дна - и с каждым всплывающим воспоминанием ей приходится учиться дышать заново. Полгода комы разорвали её жизнь надвое, вычеркнув воспоминания и оставив вместо них пустоту, в которую еще не успели проникнуть ни боль, ни страх, ни ложные надежды.

Иногда мне казалось, что эта пустота - спасение.

Что, может быть, есть вещи, которые не должны возвращаться. Что есть правда, которой лучше не существовать, если за нее приходится платить чьей-то жизнью - пусть даже уже спасенной.

Но правда существовала.

Она жила во мне - глухо, тяжело, как невыносимо долгий вдох, который невозможно выдохнуть, и с каждым километром становилась все ощутимее. Я пыталась представить как скажу это. Каким голосом? С чего начну? Где остановлюсь, если увижу, что её хрупкий мир рушится на моих глазах. Я

перебирала слова, как перебирают осколки, заранее зная: какой бы я ни выбрала, он все равно порежет. И сильнее всего - её.

Но у этой истории не было безопасной формы. Всякое слово в ней было острым, всякая пауза - подозрительной, всякое молчание - уже выбором. И я вдруг ловила себя на том, что уже не слышу звука поезда, а только одну себя, и этот не прекращающийся мучительный вопрос: хватит ли у меня твердости дотянуть до конца пути? И тут же думалось: а что если я разломлю эту правду еще в дороге и она утратит свою губительную силу или напротив в этом-то и будет самая гибель?

И все же есть истории которые невозможно носить в себе бесконечно, не возвращая произошедшее туда, где оно могло бы снова ожить. Они накапливаются — медленно, почти незаметно — как тяжёлый воздух перед грозой. И в какой-то момент начинают давить изнутри. Тогда мы выбираем странный, но почти безупречный способ: говорим с тем, кто появился в нашей жизни случайно — и так же случайно из неё исчезнет. С тем, кто выслушает — и не станет проверять, не будет искать совпадений, не задаст лишних вопросов. С тем, для кого твоя история так и останется историей.

Поезд всё шёл.

Я всё смотрела в окно — рассеянно, почти неподвижно, как смотрят когда мысли ускользают и не желают складываться ни во что определенное. И вдруг мой взгляд остано-

вился. Я не сразу поняла — отчего. Скорее почувствовала.

В вагоне что-то переменялось.

Будто в замкнутое пространство вошёл человек, способный нарушить равновесие — или, напротив, восстановить его.

Я обернулась.

На одной из станций в вагон вошла женщина — пожилая, причудливо одетая. Она тотчас приковала к себе моё внимание. Мне всегда казалось, что по одежде можно угадать человека — не столько даже угадать, сколько выдумать его заново, приписать ему некую тайную историю, которой быть может, и нет. С любопытством принялась я разглядывать свою случайную попутчицу. Она расположилась неподалеку от нас. В ней было что-то особенное — нет? Всё в ней было особенное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.